

Это было такое простое решение. Элементарное. Такую простоту оценила бы моя мать, а отец нехотя похвалил бы. Это было элегантно. Креативно. Такого рода идея всегда работает.

Я схватил свою одежду и запихал ее в сумку, а также маленькую коробочку с золотом, которое у меня осталось.

Просто уехать.

Можно просто уйти. Таким я был. Кэрн — трус. Сбежал с собственной коронации и бросил своих сестер. Или, по крайней мере, бросил бы, если бы злобная садистка из ада не встала на пути.

Все это не было моей грёбаной проблемой, я не просил ни о чем из этого, не подписывался ни на что из этого. Пытался сделать доброе дело, а потом мне отрезали нос, выбили зубы и выкололи глаз. Но я продолжал двигаться вперед и наблюдал, как всё летит коту под хвост, потратил больше года на то, чтобы спасти всех, вновь и вновь. Они все равно умрут. Мое присутствие здесь ничего не изменит.

Мир напомнил мне, кем я являюсь, и теперь пришло время поднять белый флаг.

И вот я уже вышел за дверь, бежал по главной дороге к входному portalу, опустив голову, открыв рот, задыхаясь от каждого вдоха.

В любой момент кто-то мог остановить меня. Прирежет меня там, где я стоял. Демон, прыгающий с крыши. Кастрамот, вцепившийся в руку из-за дерева. Барион, вонзающий рапиру в грудь. Конечно, они не дадут мне просто так уйти. Эта мысль преследовала меня по мере того, как голоса позади меня становились все более далекими и исчезали, пока, наконец, я не протиснулся сквозь портал, мембрана плотно натянулась на моем лице, последний барьер.

И вот я прошел. Воздух стал более свежим, легким.

Солнце только что опустилось к своему закату, оранжевые лучи света пробивались сквозь сгущающиеся тени, а сумерки зарождались сквозь стебли коричневеющей травы.

Я шел по полю бесконечной травы, приближаясь к рябющему миражу солнца. Трава вилась и огибала меня, как золотой океан.

Это было прекрасно.

Я точно знал, где нахожусь.

Но даже в самую темную ночь в Эвервуде я никогда не чувствовал себя таким потерянным.

Я пробуждал милую или две. Мое зрение затуманилось. Мерцающие оранжевые огни слились в сверкающее размытое пятно.

Я протер глаза.

Когда я опустил руку, что-то заслонило часть солнца, отбрасывая силуэт размером с маленького человека. Ребенка. Это была та девочка из переулка — только теперь она выглядела по-другому. Вместо эльфийки — человек. Ее некогда бритая голова была покрыта грязными светлыми кудрями. Только знакомые глаза остались прежними.

Галлюцинации еще не прошли.

Она просто стояла и смотрела на меня. У нее было лицо человека, который хотел помочь, но не знал как.

Слова полились прежде, чем я осознал, что говорю. — Я помню, как давным-давно думал, что боги выбрали не того человека. Но я понятия не имел, насколько я был прав. Вообще не представлял.

Маленькая девочка наклонила голову. — Почему?

— Потому что я трус. Я не особенно силен. Мне ничего не дается легко... и в конце концов, я всегда предпочту себя кому-то другому.

Она постучала пальцем по моему лбу.

В моей голове на мгновение промелькнуло лицо Майи. Образ меня, стоящего перед ней в Эвервуде, с пылающим мечом в руке.

Я выглядел...

Действительно ли я так выглядел?

Еще один образ. На этот раз, когда я сражался с Таском в переулке, вогнал меч в его нутро, зная, что это, скорее всего, приведет к моей смерти, но какая-то часть меня надеялась на этот исход.

Я выглядел таким решительным. Таким сильным.

Где была эта сила сейчас?

Еще один образ, на этот раз без комментариев. Я стоял перед толпой и бросал свою корону в бушующий зеленый огонь.

Я желаю жить, свободно и вечно!

Звук моего собственного голоса эхом отдавался в голове. Я закрыл глаза и признал правду.

— Хотелось, чтобы это было правдой.

— Хотелось, чтобы это было правдой? — спросила девушка. Ее голос был странным, музыкальным, словно пальцы перебирали арфу.

— Мне было плевать на желание, — признался я. Та ночь была такой яркой в моей памяти до сих пор, ярко пылала от горьких эмоций, наполнивших меня как желчь. — Я просто желал, чтобы это было правдой... чтобы я могу претендовать на это. Лишить их этого. Хотел, чтобы они почувствовали потерю, настоящую потерю. Чтобы...

Страдали. Как страдал я.

Раздался резкий звук, кто-то ударил меня по лбу. Я упал обратно в траву. Для галлюцинации это было странно реальным.

— Желания не реальны. — Она сурово посмотрела на меня. — Ты уже должен это знать. — Она повернулась и посмотрела на горизонт. Солнце скрылось за далекой вершиной холма, а на небе тускло мерцали первые звезды. Она обхватила одну руку другой. — Я все время загадываю желания. Хочу, чтобы солнце никогда не вставало. Чтобы ночь длилась вечно, а звезды сияли всегда так ярко.

— Почему? — спросил я.

Она посмотрела на меня через плечо. — Из всех ночей во вселенной и всех — ты, — именно этот ты нравишься мне больше всего. Ты разговариваешь со мной. Иногда даже слушаешь.

— Но почему эта ночь должна длиться вечно? — спросил я.

— Потому что завтра ты уже не будешь прежним.

— Конечно, буду.

— Нет. Не будешь. — Она сказала это с грустью, в которой была огромная, непостижимая сила. — Неважно, что ты решишь. Все изменится.

Мой разум вернулся к мысли, пришедшей в голову, когда я очнулся в пещерах на поверхности. К мысли, побудившей меня бежать, поставившей вопрос перед всем моим сознанием: бороться или бежать.

Девушка покачала головой. — Я не могу дать тебе правильный ответ. Но могу оставить предупреждение на будущее... — Она наклонилась и серьезно посмотрела на меня. — Когда луна засияет серебряным пламенем, не переступай порог. Это приведет только к душевной боли.

— Что это... значит... — Я замялся, снова оставшись один в поле. Девушки не было.

Я долго думал о том, кем я был. Кем хотел быть. Затем, медленно, пошел обратно к portalу и погрузился в тьму.

На следующее утро я начал долгий процесс примирения. Время не позволяло сделать вторую попытку. Было несколько вещей, которые хотелось сделать.

Сначала я зашел к Ралакосу и попросил предоставить мне на вечер один из его залов. Он согласился, спросив, по какому поводу.

Врать было незачем. Я рассказал правду. Я хотел отпраздновать.

Я медленно прогуливался по Анклаву. Сначала я зашел в лавку Казикаса. Прежде чем войти, я понаблюдал за его работой через окно. Его очки сползли на нос, он прищурился и снова поднял их. Колокольчик звякнул, когда я вошел, как и много раз до этого.

Казикас помахал мне рукой и спросил, буду ли я сегодня работать. Я покачал головой и выменял у него шляпки гарроты со значительной скидкой. Он был в восторге, но у него не было достаточно золота под рукой, поэтому он дал мне банковскую расписку.

Я пошел по тропинке через рынок, в центр города. Заглянул в шумную таверну и увидел нескольких знакомых солдат. Уриш, женщина-маг воды, была в отключке за соседним столом. Терос и Релир были навеселе и пьяны, несмотря на ранний полдень. Большой инфернал обнимал поменьше и пел похабную песенку о краснеющем крабе.

Они не были знакомы со мной, но это не имело значения. Я подошел к бармену и протянул ему серебряный прут. Бровь бармена приподнялась. Но я уже начал уходить.

— Пусть мои друзья основательно напьются, хорошо?

Его взгляд переместился на солдат, и он страдальчески вздохнул. — Как вам будет угодно.

Я пробирался по оживленным улицам, пока не пришел в район храмов. Там я нашел Белларекс и, вытерпев десятки вопросов на тему демонического огня и человеческого бытия, подружился с ней так же легко, как и всегда.

— Знаешь, — сказал я ей, — мы с моим другом Джоррой искали третьего для Святилища. Мы регулярно проводим поединки в тренировочных пещерах на окраине. Тебе стоит заглянуть к нам как-нибудь.

Белларекс сохраняла нейтральное выражение лица, но я с забавой наблюдал, как ее хвост начал возбужденно раскачиваться из стороны в сторону. — Я... Может быть. Я подумаю об этом.

Надеюсь, она придёт, даже если меня не будет рядом, чтобы увидеть это. Это даст Джорре кого-то, с кем она сможет сблизиться. Чтобы сгладить утрату.

Хватит об этом.

Белл неловко окликнула меня, когда я повернулся, чтобы уйти: — Спасибо, что зашел!

— До свидания, Белл. — Я помахал рукой.

Улицы стали более узкими, когда я вошел в более богатый жилой район. Гемон открыл дверь. Его мгновенное удивление сменилось хмуростью.

— Какого черта тебе надо?

Я спокойно поднял руки, а затем протянул ему корзину с разными сладостями, которые взял в местной пекарне. Этот инфернал был кислым, как зимний лимон, но он мне понравился. Он не был самым сильным магом, но ни разу не уклонился от смерти, каждый раз защищая Ралакоса до конца.

Он подозрительно посмотрел на корзину. — Мне кажется, что это очень дипломатичный способ назвать меня толстым.

— Можно войти? — спросил я.

— Хорошо.

Я рассказал ему в общих чертах о деталях. Я намеревался сделать что-то опасное, что-то, из чего могу не вернуться. По мере того как я говорил, выражение его лица становилось все более озадаченным. То, что я ему дал, было серией писем, датированных и проштампованных, которые должны были быть отправлены из разных мест, удаленных от Анклава. Я не мог быть

уверен, что отец купится на это, но это было лучшее, что можно сделать.

— И ты отдаешь их мне. — Гемон уставился на меня, как на дурака.

— Да, — сказал я.

— После всего сказанного на суде.

— Верно.

Он переводил взгляд с писем на меня и обратно полдюжины раз. — Ладно, нет. Я должен спросить. Какого хрена ты дал мне их? Это приманка? Какая-то игра разума?

Я улыбнулся. — Нет. Вы советник по безопасности. Я верю, что вы сделаете то, что лучше для Анклава.

Гемон листал письма, бормоча названия городов, расположенных вдоль выбранных мною маршрутов. В конце концов он дошел до трех последних, переданных в конце — Что это?

Я неловко почесал шею. — Письма. Моей матери и сестрам. Я... боялся писать им. Не знаю почему.

Правда заключалась в том, что я боялся. Как только я напишу им, это будет означать принятие той реальности, что они больше не мертвы. Что они живы и ждут меня в Уайтфолле. Что они могут написать ответ. И когда они напишут, моя решимость ослабнет, и я сдамся и вернусь домой, и все ради возможности увидеть их снова.

Лицо Гемона смягчилось, хотя и незначительно. Он потер лоб. — У меня такое чувство, что я что-то упустил.

— Ничего важного. Наслаждайтесь корзиной.

— Непременно, — рассеянно сказал он, затем резко поднял голову. — Подожди, нет, не буду...

Дверь захлопнулась за мной, хотя и недостаточно быстро, чтобы заглушить выкрикиваемые Гемоном ругательства.

Если я потерплю неудачу, исчезну в крошечной тьме, а инферналы каким-то образом переживут нападение, последнее, чего хочется, это чтобы мой отец ворвался сюда, чтобы разрушить всё на куски. Гемон, по крайней мере, позаботится об этом.

Я прошел через Тулианский район. Днем он был гораздо менее привлекательным, здания выцвели и выглядели неуклюже под лучами аурического солнца, как будто заведения были такими же похмельными, как и те пьяницы, что выходили из них.

Ноги болели от ходьбы, я добрался до конечного пункта назначения, Сияющих Врат, и попросил позвать Персефону.

<http://tl.rulate.ru/book/77890/2534489>